
Роберт Шекли
Чем выше поднимешься...

Чем выше поднимешься...

Роберт Шекли

Аннотация

Чем выше поднимешься...

Аннотация

Финансовый авантюрист Эдгарсон оказывается на планете Пориф благодаря неожиданным поворотам судьбы. Вместо отчаяния он обнаруживает, что здесь действуют уникальные законы статистики, которые могут принести ему большую прибыль. Для этого ему нужно лишь сначала заработать начальный капитал.

Чем выше поднимешься…

— Ну что, космический заяц, выметайся. — Младший офицер улыбался широко, по-мальчишески.

— Может, обсудим это? — спросил Эдгарсон, спускаясь по трапу и стараясь не терять достоинства. — Вовсе не обязательно бросать меня в этой глуши… — Он указал на пустынную посадочную площадку, примитивные постройки из кирпича, асфальтовую дорогу — все признаки атомной отсталой цивилизации. — Поверьте, я отработаю проезд, только подбросьте меня в какое-нибудь цивилизованное…

Люк с лязгом захлопнулся. Эдгарсон вздохнул и поспешил отойти от корабля.

«Боже мой, — подумал он, — я даже не знаю названия планеты, на которую меня выбросили!»

Расправив плечи, он вышел на дорогу. Позади него корабль тихо и грациозно взмыл в небо. Как только он растворился в вышине, Эдгарсон позволил себе ссутулиться.

Чертовы звездолетчики…

Впрочем, за что их винить? У безбилетников нет никаких прав — он знал это изначально. Просто у него не было другого выхода.

Когда все его деловые проекты на Мойре-2 потерпели фиаско, ему пришлось уносить ноги.

Самый простой способ, если у тебя в кармане ни гроша, — спрятаться на борту корабля-дальнобойщика. Эдгарсону повезло — корабль взлетел как раз вовремя. Власти Звездного Пояса, украшением которого была Мойра-2, довольно строго относились к тому, что они называли «безответственными банкротствами».

Увы, капитан корабля не менее строго относился к «левому» грузу. Шестьдесят костлявых килограммов Эдгарсона сбросили на первой же по курсу планете с кислородной атмосферой.

И что теперь делать?

Эдгарсон оглянулся на дорожные указатели возле маленького космопорта. К счастью, они были на фаммийском, одном из распространенных языков галактики. Планета называлась Пориф. Раньше про такую он никогда не слышал.

Одна из табличек указывала на город Миф. Сунув руки в карманы, Эдгарсон двинулся в указанном направлении, шаркая ногами о грубое шоссе.

«Это конец, — сказал он себе. — Надежды никакой. Мне ни за что не выбраться с этой планеты».

Четыре раза он зарабатывал состояние и четыре раза терял из-за нелепой изменчивости

финансовой системы Пояса.

«Я обречен, — думал он. — С тем же успехом можно повеситься».

Случайный автомобиль едва не сделал повешение излишним. Антикварный бензиновый драндулет мчался по шоссе со скоростью сто километров в час. Эдгарсон услышал рев мотора и обернулся. Авто было уже совсем рядом, его мотало из стороны в сторону. Эдгарсон вытаращил глаза: машина неслась прямо на него.

В последний момент, сбросив оцепенение, Эдгарсон отпрыгнул в придорожный ров.

Автомобиль остановился в тридцати метрах поодаль.

— Сумасшедший! — крикнул Эдгарсон предположительно по-фаммийски. Самоубийство — это, конечно, хорошо. Но когда тебя чуть не сбивают насмерть… — Эй, что ты делаешь? — крикнул он человеку, который начал сдавать машину задом. — Хочешь повторить попытку?

— Мне ужасно жаль, — сказал водитель, любезно улыбаясь. Он был крупного сложения, краснощекий и рыжеволосый. — Вот уж не хотел тебя напугать.

— Напугать? — рассердился Эдгарсон. — Черта с два. Ты меня чуть не убил!

— Ничего подобного. — Здоровяк внимательно оглядел Эдгарсона. — Ты еще не в том возрасте.

— Да ладно, — сказал Эдгарсон. — Умереть можно в любом возрасте.

— А-а, ты, наверно, с другой планеты, — догадался рыжий. — Я не сразу обратил внимание на твой акцент. Что ж, приятель, здесь ты не можешь умереть. По крайней мере, не сейчас.

— Я могу умереть в любом месте и в любое время, когда захочу, — сказал Эдгарсон и почувствовал себя глупо.

Рыжеволосый задумался на секунду, потирая нос веснушчатым указательным пальцем.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Тридцать шесть.

— Так я и подумал, ты примерно моего возраста. Здесь, на Порифе, ты не можешь умереть, пока тебе не исполнится сорок четыре. По крайней мере, не в текущем цикле.

Эдгарсон не нашелся что ответить. Он просто удивленно разинул рот.

— Меня зовут Фаулз, — представился мужчина. — Могу подбросить до города.

Эдгарсон забрался в машину, и уже через несколько секунд Фаулз закладывал крутые виражи.

— Ты убьешь нас обоих, — охнул Эдгарсон. Пейзаж за окном со свистом проносился мимо.

— Может быть, я и в состоянии эйфории, — сказал Фаулз, — но статистика не подтверждает твои страхи. Я не убью ни тебя, ни себя. А машина застрахована.

Остаток пути Эдгарсон стоически хранил молчание. Пока он не выяснит, что представляет собой Пориф, лучше держать язык за зубами. Не хватало еще нарушить какое-нибудь табу.

Среди великого множества планет цивилизованной галактики встречаются довольно-таки странные места, где благоразумие и здравый смысл не стоят ни гроша. Где закон гравитации отменяется на шесть месяцев в году, а постулаты земной науки воспринимаются как изящные фантазии.

Законы мироздания в формулировке ученых Земли и Пояса нисколько не волновали древнюю матушку-природу. Возможно, ей просто наскучило создавать однотипные Вселенные. Поэтому Эдгарсон вполне допускал, что здесь, на Порифе, он может умереть только по достижении сорока четырех лет.

— Вот мы и приехали, — радостно сообщил Фаулз, останавливаясь перед кирпичным домиком

в пригороде. — Что я еще могу для тебя сделать? Какое-нибудь одолжение?

«Да, парень явно в состоянии эйфории, — подумал Эдгарсон. — Но это не повод отпускать его просто так».

— Временно я стеснен в средствах, — начал он вкрадчиво. — Может быть, ты…

— Ни слова больше, — прервал его Фаулз. — Будь моим гостем. Заходи в дом, располагайся. Сейчас я не могу отказать тебе ни в чем.

— Точно ни в чем? — Глаза Эдгарсона прищурились.

— Почти ни в чем. У меня сейчас пик альтруизма. Одна из моих особенностей. Конечно, через день или два это пройдет. Вероятно, потом я буду очень жалеть. Но сейчас — добро пожаловать!

Возле самой двери Фаулз остановился.

— Не обращай внимания на мою сестру, — прошептал он. — Настроение у нее не очень. Ты же знаешь, какими несносными бывают астеники. Сейчас она выбирается со дна депрессивного провала. Будь с ней добрее. — Он громко рассмеялся и толкнул дверь.

Внутри было именно то, чего Эдгарсон ожидал от жилища отсталой атомной эпохи: бугристые диваны, кляксообразные картины на стенах,

нелепые шторы и дутые кресла.

Эдгарсон настороженно огляделся, пытаясь просчитать свои следующие ходы. Или его покровитель слегка съехал с катушек, или на этой планете и правда кроется нечто уникальное. Депрессивный провал! Даже жители продвинутых регионов не оперируют в быту такими терминами.

— Наверное, ты психолог, — предположил Эдгарсон, усаживаясь в кресло.

— О нет, — улыбнулся Фаулз, — я пожарный. Время от времени.

— Время от времени?

— Ага. Сейчас у меня каникулы. Как и у всех наших.

— Тогда кто тушит пожары?

— Какие пожары? — удивился Фаулз.

Эдгарсон хотел было начать все заново, но тут вошла депрессивная сестра.

— Ох, как же я устала, — простонала она и рухнула на диван, игнорируя присутствие гостя.

Пару секунд он разглядывал ее, но, вспомнив о приличиях, быстро вскочил на ноги. Девушка была рыжеволосая, как и ее брат, но гораздо стройнее. Фаулз сказал, она — астеничка? Да, худощава, но и отчетливые припухлости, свой-

ственные женскому полу, все на своих местах.

Эдгарсон приободрился. Самоубийство может подождать. В жизни снова забрезжил интерес. Возможно, даже коммерческий.

Долгое время разговор не клеился. Фаулз включил маленький экран, похожий на недоразвитого младшего брата трехмерного телевидения, и увлекся какой-то, предположительно комедийной, передачей. Рыжеволосая Хетта не шевелилась. Один раз она пробормотала что-то про жестокость мира, но так невнятно, что Эдгарсон не знал, что ответить.

Наконец она приподнялась на диване и попыталась улыбнуться.

— Видишь? — прошептал Фаулз. — Выбирается из депрессивной ямы.

Эдгарсон покачал головой. Пожарник, который не тушит пожары, зато демонстрирует знание психологии… Что ж, придется во всем этом разобраться.

— Приготовлю-ка я ужин, — объявила Хетта и соскочила с дивана.

Трапеза проходила очень приятно. Хетту очаровали истории о великом внешнем мире, которого она никогда не видела. Затаив дыхание слушала она рассказы Эдгарсона о межзвездной торговле

и нелепом обвале фондового рынка на Мойре-2, в результате которого Эдгарсон разорился вчистую.

Поставив суп на стол, она спросила:

— Как такое могло случиться?

Эдгарсон улыбнулся ее очаровательной наивности.

— Или ты был не в цикле? — допытывалась она. — Разве ты не знал, что рынок собирается упасть?

Эдгарсон постарался объяснить, как работают рынки. Иногда можно поймать тренд, предсказать рост, подготовиться к падению. Но не всегда. И даже в самом лучшем случае прогноз поведения рынка — гадание на кофейной гуще.

— Но это нелепо! — воскликнула Хетта, очаровательно хмурясь. — Как можно жить в таком непредсказуемом мире? Я рада, что у нас все иначе.

— Прости мою сестру, — улыбнулся Фаулз. — Она ничего не знает о внешнем мире…

Эдгарсон пропустил его слова мимо ушей.

— У вас все иначе? Это как? — спросил он у девушки.

— Так, как написано в книгах, — пояснила она тоном, каким объясняют азбучные истины де-

тям. — В статистических книгах. Если дела будут идти хорошо, статистические книги расскажут об этом.

— И книги никогда не ошибаются? — снисходительно спросил Эдгарсон.

Она покачала головой:

— Только не внутри цикла.

В этот момент зазвонил телефон. Фаулз встал из-за стола и взял трубку:

— Да. Да-да. Хм. Хорошо, я проверю. — Он прикрыл трубку ладонью. — Пожар в районе склада тридцать один. — Он задумался на секунду. — Не думаю, что огонь распространится дальше.

— Ты должен быть абсолютно уверен, — сказала Хетта. — Я принесу книгу.

— Одну минуту, — сказал Фаулз в трубку.

Хетта вернулась с толстенным томом. Книга называлась «Статистика пожаров, город Миф, цикл Б».

— Вот, — сказал Фаулз, переворачивая страницу. — Маргат-билдинг. Район склада тридцать один. Как я и думал.

Глядя через плечо Фаулза, Эдгарсон прочитал: «Маргат-билдинг. Вероятность 78,4 %: крупного пожара не будет до 18 аргета».

— Алло, — сказал Фаулз в трубку. — Большого

пожара не ожидается до восемнадцатого аргета, а сейчас еще даже не ховл. Для беспокойства нет причин. Скоро потухнет само собой.

Человек на другом конце линии, видимо, возразил. Фаулз резко ответил:

— Не надо рассказывать мне, приятель. Ведь я пожарный. В книге написано — семьдесят восемь целых четыре десятых процента против пожара. Позвони, если огонь пойдет дальше. — И повесил трубку.

— Вот так всегда. — Он повернулся к Эдгарсону. — Из-за какой-то искры готовы поднять всех на ноги. Не понимаю, почему бы не смотреть статистику для своих зданий.

— Что-то я не пойму, — сказал Эдгарсон. — Есть на этом складе пожар или нет?

— Он говорит, что есть. Видимо, мусорный бак горит или типа того. У страха глаза велики, — ответил Фаулз, доедая суп.

Хетта убрала тарелки и принесла мясо.

— Но если человек заявляет о пожаре…

— Там не может быть большого пожара, — сказала Хетта. — Иначе бы его отразила статистика.

— Статистика может ошибаться, — возразил Эдгарсон, вспоминая свои верные ставки, которые в итоге приносили убытки.

— Только не эта, — сказал Фаулз.

Снова зазвонил телефон.

— Алло, — произнес Фаулз в трубку. — Так я и думал. Конечно, он прогорел и погас сам собой. Нет, вы не помешали, не беспокойтесь. Но, пожалуйста, купите книгу по статистике пожаров. Тогда вам не придется то и дело звонить на пожарную станцию. Уверяю вас, если случится настоящий пожар, мы прибудем еще до его начала. Спокойной ночи.

— Можно взглянуть на пожарную книгу? — спросил Эдгарсон. Фаулз протянул ему толстый том, и Эдгарсон стал листать его, читая случайные записи.

«Ферма Джоенсона. Вероятность 56 %: крупного пожара не случится до 7 ховла».

«Городской парк. Вероятность 64 %: крупного пожара не случится до 1 эгла. Вероятность 89 %: пожар 19 эгла, выгорит двадцать гектаров в северо-восточном углу».

Остальные записи были в том же ключе.

— Не понимаю. — Эдгарсон захлопнул книгу. — Да, можно рассчитать вероятность даже для пожаров. Так работают страховые компании. Но откуда вы знаете, что пожара точно не будет? Ведь если вероятность того, что он не случится,

равна семидесяти процентам — хоть я и не могу понять, откуда взялась эта цифра, — то все еще остается тридцать процентов за то, что пожар произойдет.

— Только не у нас, — сказал Фаулз с оттенком гордости. — Не на Порифе. Вероятность выше пятидесяти процентов — это все равно что сто процентов. Внутри цикла, конечно. Мы не верим в исключения. Вероятное — неизбежно.

— И это справедливо для всего, что здесь происходит? — спросил Эдгарсон.

— Конечно. Вот почему я знал, что не собью тебя. Согласно статистике в этом цикле не погибнет ни один человек моложе сорока четырех лет. За редкими исключениями, ни одно из которых не касается тебя никаким боком.

— Сколько длится цикл?

— Десять лет. Потом начинается следующий. Пойдем в библиотеку, я покажу другие книги.

Целую стену в библиотеке Фаулза занимали тома «Экономическая статистика, цикл Б». Эдгарсон полистал некоторые из них. Книги содержали прогнозы для каждого вида хозяйственной деятельности до самого конца цикла. Они показывали возможные прибыли и потери, причем с понедельной разбивкой. Там были списки компа-

ний, которые обанкротятся, и списки компаний, которых ожидал взрывной рост.

Бегло просматривая страницы, Эдгарсон выхватывал отдельные записи: «Джинингс Карбон, обыкновенная акция: продажа 145,1 марстта. Вероятность 56 %: рост до 189 в течение двух недель. Без изменений до егла. Далее, вероятность 89 %: рост до 720. Отскок до 700 и быстрый непродолжительный рост до 842…» Это было итоговое резюме. Понедельная разбивка предлагалась ниже.

— И все это правда? — спросил Эдгарсон.

Хетта заглянула ему через плечо:

— Да, конечно. Сейчас курс акций — сто восемьдесят девять. И дальше пойдет так, как написано.

— Боже мой! — Эдгарсон захлопнул книгу. Если данные соответствуют действительности, то можно нажить целое состояние, купив акции сейчас и продав по восемьсот сорок два позже. Полученная прибыль составит…

— Стоп, — сказал он. — Этого не может быть. Если каждый пойдет и купит эти акции, прогноз изменится.

— Не изменится, — усмехнулся Фаулз. — Вероятные покупки акций скрупулезно подсчитаны. Никто не будет вкладываться в акции одной ком-

пании. Мы распределяем вложения равномерно — и на растущие, и на падающие бумаги. Мы, жители Порифа, не гонимся за быстрой прибылью.

«Вот и конец моим бедам, — подумал Эдгарсон. — Нужно только узнать, всегда ли прогнозы сбываются. Если всегда, то здесь золотая жила.

Предсказуемый рынок акций! Предсказуемый бизнес — никаких потерь! Возможно, они предсказали еще и землетрясения, и наводнения. Имея голову на плечах, можно сколотить состояние за год. Или даже быстрее.

Но нужен стартовый капитал. Надо придумать, где его раздобыть».

Эдгарсон заметил, что Хетта бросает на него заинтересованные взгляды. Это хорошо. Причем бросает исподтишка. А это еще лучше. Он понял, что раздобыть стартовый капитал будет не так уж трудно.

Утром, не мешкая, Эдгарсон направился в библиотеку Фаулза. У порифианина был неполный комплект статистических книг, но он собрал все, что относилось к его родному городу Миф и области.

Даже не позавтракав, Эдгарсон углубился в чтение, переходя от одной книги к другой. Сто девяносто томов «Экономической статистики,

цикл Б» — ничего себе собрание сочинений. В книгах описывалось будущее каждой компании на планете, и Эдгарсон не мог усомниться в правдивости данных. Сухой и содержательный язык текстов вызывал доверие сам по себе.

«Джакнкс Мауф, Ко. Обычная акция: 23. 13 луггата, вероятность 76 %: рост до 26. 19 луггата, вероятность 93 %: рост до 28. 1 менера, вероятность 98 %: падение до 18».

Разве это могло вызывать сомнения?

Эдгарсон решил исследовать историю вопроса. Съев завтрак вместо обеда, он отправился в городскую библиотеку. Сравнивая данные из старых газет и устаревших статистических книг, он пришел к выводу: все предыдущие прогнозы сбылись на сто процентов.

Он стал разбираться дальше. Как выяснилось, цикл длится десять оборотов планеты вокруг светила, то есть десять лет. Между циклами бывает промежуток, очевидно, для сбора и публикации статистических данных на следующий цикл. Циклы всегда помечаются буквами «А» или «Б», которые чередуются.

Сравнивая циклы, Эдгарсон не нашел между ними особых различий. Несколько новых компаний взамен обанкротившихся; несколько

пунктов в ту или другую сторону в оценке вероятности. Но ничего кардинально нового.

Эдгарсона не интересовала теория, он жаждал прибыли. Но все же он считал своим долгом выяснить почему. Поэтому он зарылся в кучу справочников.

В дом Фаулза он вернулся поздно вечером. Познакомившись с историей Порифа и психологией порифиан, Эдгарсон нашел ответы на некоторые вопросы. Согласно учебнику психологии, порифиане были проще землян и жителей Звездного Пояса и вели себя более предсказуемо. Не составляло труда составить ясную, четкую картину личности порифианина, что в случае с человеком Земли было невозможно.

Индивидуальная психология оказалась труднее всего, но после ее освоения сводная психология далась на порядок легче. Эдгарсон обнаружил, что порифиане — конформисты. Сознательно и неосознанно они верили своей статистике и хотели, чтобы ее предсказания сбывались. Часто они меняли свои планы только затем, чтобы вписаться в предсказанный сценарий. На взбалмошной Мойре-2 такое было бы невозможно.

Излюбленное занятие большинства миров — война. Горстка планет обрела смысл жизни

в искусстве или религии. На Порифе же главной страстью была статистика и вероятности. Казалось, порифианам помогает сама природа. Своенравная старая леди отменила здесь стандартный закон усреднения. Здешняя константа — не процесс уравнивания, а точность прогнозов. Например, если возгорание возникало раньше срока, то не было сквозняка, чтобы раздуть слабый огонь до масштабов пожара. А если человек попадал в катастрофу раньше, чем ему было предсказано, то каким-то чудом его отбрасывало в сторону — так, чтобы он не пострадал.

В общем, природа решила сделать Пориф понятным и предсказуемым местом для жизни. И подходящим местом для землянина, желающего быстро сколотить капитал.

С этой мыслью Эдгарсон уснул. Наутро он спустился в библиотеку, чтобы снова поразмыслить над своими планами. Усевшись в пухлое кресло Фаулза, он бросил в рот местную разновидность сливы и задумался.

Первый шаг к богатству — стартовый капитал, а первый шаг к стартовому капиталу — женитьба на Хетте. Получив после женитьбы доступ к ее деньгам, он сможет играть на бирже — если, конечно, можно назвать игрой верное дело. У него

есть полгода до конца цикла Б. К этому времени он должен разбогатеть.

Да и жениться на Хетте не так уж и неприятно — Эдгарсону нравились рыжеволосые астенички с женственными формами.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, сказал он себе. Хетта ушла по магазинам, Фаулз уехал дожидаться пожара на отдаленной ферме. Эдгарсон отыскал подборку книг «Население. Статистические данные, цикл Б» (170 томов, перекрестное индексирование). Хетту он обнаружил на странице 1189 в томе 23. Она была классифицирована как «неуравновешенный астеник женского пола, темно-рыжая, 32-saa3b».

Согласно справочнику, персона с характером Хетты подчинялась пятидневному эйфорично-депрессивному циклу, типичному для рыжеволосых астеников. Депрессивный провал начинался на закате третьего дня. В это время рыжеволосым астеникам требовались комфорт, поэзия, понимание, тихая музыка и красивые закаты.

Эдгарсон усмехнулся, записал информацию в блокнот и вернулся к чтению.

Пик эйфории наступал на пятый день и продолжался почти два часа. Этот период характеризовала сильная склонность к влюбленности

(вероятность 89 %), жажда приключений и тяга к загадочному и неизвестному.

Эдгарсон усмехнулся еще шире и продолжил читать дальше.

На пятидневный цикл накладывался другой, более масштабный и менее выраженный цикл длительностью тридцать пять дней. Он носил название «вторичный ритм нежности».

Книга содержала и массу других полезных подробностей.

Эдгарсон составил график циклов Хетты на следующий месяц с комментариями и подсказками самому себе и дочитал последний параграф.

Неуравновешенность Хетты была общей особенностью всех рыжих астеников. «Патологические наклонности, крайняя подавленность — вероятность 7 %». Что, по меркам Порифа, означало «равно нулю».

Вооруженный знаниями, Эдгарсон приступил к ухаживанию.

— Позволь рассказать тебе о космосе и великих планетах, — предложил он Хетте, когда та была на пике эйфории.

— О, конечно, расскажи, — обрадовалась Хетта. — Как бы я хотела отправиться в путешествие!

— Почему бы и нет? — сказал Эдгарсон, осторожно вытягивая руку вдоль спинки дивана. — Почему бы не погонять на двухместном скутере меж звездами? Испытать приключения в незнакомых портах! Получить незабываемые впечатления в отдаленных краях!

— Как это замечательно! — воскликнула Хетта и не отодвинулась, когда его рука мягко обняла ее за плечи.

В свободное от ухаживаний время Эдгарсон штудировал деловую статистику. Он составил список из десяти компаний, которым был обещан бурный рост, рассчитал, сколько времени следует держать их акции, во что вложить полученную прибыль и что можно купить на маржинальный кредит. По его расчетам, к концу месяца прибыль должна была составить несколько сотен тысяч.

— Ты такая изысканная, — промурлыкал он Хетте на экстремуме ее ритма нежности. — Такая чудесная. Такая трогательная.

— Правда?

— Да, — вздохнул Эдгарсон. — Как бы я хотел…

— Что?

— Ах, ничего. — Он вздохнул еще раз и завел душещипательный рассказ о вымышленных событиях своего детства. Это сработало. На Эдгар-

сона обрушилась вся нерастраченная нежность Хетты.

— Бедный мальчик, — прошептала она.

Вездесущая рука Эдгарсона обняла ее.

— Я люблю тебя, Хетта, — хрипло проговорил он, чувствуя себя полным идиотом. Да, к такому пафосу он не привык. На Земле и Мойре-2 известные вопросы между мужчинами и женщинами решались легко и к обоюдному удовольствию за какие-то пять минут. Но на Порифе, и тем более с девушкой вроде Хетты, такой подход явно не годился.

Продолжая играть роль сентиментального влюбленного, Эдгарсон не забывал и о своем бизнес-плане. Если верить данным «Деловой статистики», в конце цикла у него будет десять миллиардов чистой прибыли. Он просчитал все: как получит первый доход, сколько реинвестирует, насколько расширится на марже, сколько положит под проценты. Дальше он планировал вложить деньги в землю, фермы, водоканалы, страховые компании, банки и государственные бумаги. Десятилетний цикл заканчивался через несколько месяцев. И он хотел обезопасить свои активы на период между циклами.

Эдгарсон сделал предложение, когда у Хетты

начался депрессивный провал. Он накупил ей сладостей, окружил девушку заботой и любовью. Фонограф играл ее любимые песни, которые предлагал Эдгарсон. И в довершение ко всему ее глазам предстал великолепный красочный закат — мечта любого любителя закатов.

Конечно, это было неслучайно. Эдгарсон тщательно все спланировал. Закат он подобрал в «Погодной статистике, цикл Б» по наводке из холинимской «Великой книги закатов».

Его предложение руки и сердца имело предсказанный с вероятностью 89,7 % успех. Через три дня они поженились.

Вооруженный деньгами жены, которых оказалось даже больше, чем он ожидал, Эдгарсон приступил к инвестированию. До конца цикла оставалось пять месяцев, и он собирался использовать их как можно более эффективно.

Статистические книги не подвели. Прибыль росла именно так, как он запланировал, — с точностью до последнего десятичного знака.

Эдгарсон попытался подбить новоиспеченного шурина на пару беспроигрышных ставок, но у Фаулза был период угрюмости. Он держался за свой небольшой пакет заурядных акций и решительно отказывался играть на бирже.

— Да что с тобой такое? — спросил как-то Эдгарсон, когда его прибыль перевалила за восемьсот тысяч. — Ты не веришь вашей же статистике?

— Конечно верю, — сердито зыркнув на зятя, ответил Фаулз. — Но мы дела так не делаем.

Ответ Фаулза поставил Эдгарсона в тупик. Отказываться от денег, которые буквально сыплются в руки! Именно эта черта больше всего отличала жителей Порифа от землян.

— Ты совсем не будешь покупать акции? — спросил Эдгарсон.

— Обязательно буду. Я куплю пакет «Хемстел лимитед».

Эдгарсон заглянул в «Деловую статистику», которая стала для него настоящей библией, и нашел названную компанию. Судя по прогнозу, ее ждали в текущем цикле с вероятностью 77 % значительные убытки.

— Ну и зачем ты их покупаешь?

— Им нужен оборотный капитал. Это молодая компания, и по моим расчетам…

— Все, хватит! Ты меня утомляешь, — сказал Эдгарсон.

Фаулз одарил его еще более мрачным взглядом и ушел.

А что я могу поделать, сказал себе Эдгарсон. И

потом, кто-то же должен вкладываться в неперспективные акции. Все не могут разбогатеть. Поддерживая проблемные компании, порифианцы поступают благородно. И что с ними делать? Таких не переубедишь.

Остается только забрать их деньги.

Наступили горячие деньки. Нужно было покупать точно вовремя и продавать точно вовремя. Порифианский фондовый рынок напоминал оркестр: чтобы получить от него максимум отдачи, требовалось играть точно, как по нотам.

Дела Эдгарсона шли в гору.

Теперь он почти не уделял внимания Хетте. Еще бы, ведь сколачивание крупного капитала — это работа без выходных. Эдгарсон рассчитывал, что наверстает упущенное позже. Кроме того, Хетта и так считала, что он замечательный муж.

С приближением конца цикла Б Эдгарсон начал готовиться к промежутку между циклами. В течение года будут составляться и публиковаться прогнозы на следующий цикл. В этот период Эдгарсон не хотел рисковать.

Большинство его активов должны преодолеть промежуток между циклами Б и А без особых потерь. Это акции высоконадежных компаний с высокими значениями вероятностей. Но он

желал абсолютной уверенности, поэтому продал наиболее рискованные акции и вложил деньги в фермы, городскую недвижимость, отели, парки, государственные облигации… в общем, во все самое надежное.

Сверхприбыли он разместил в банках. Конечно, даже самый надежный банк может разориться. Но не пять таких банков! Не десять!

— Хочешь хороший совет? — спросил шурин за два дня до конца цикла. — Бери акции «Верст». Покупай их, да побольше.

Заглянув в книги, Эдгарсон узнал, что «Верст» — на пороге конкурсного управления, и холодно посмотрел на Фаулза. Порифианина, видимо, не радует его присутствие в доме. Фаулз не одобрял методы, какими Эдгарсон прибирает к рукам денежки, вот он и пытается ставить ему палки в колеса.

— Я обдумаю твое предложение, — сказал Эдгарсон, провожая Фаулза к двери. Зачем спорить с идиотом?

Наступил последний день цикла Б. Эдгарсон просидел все утро у телефонов в ожидании новостей.

Зазвонил телефон.

— Да.

— Сэр, падают акции «Маркинсон компани».

Эдгарсон улыбнулся и повесил трубку. Акции «Маркинсон» — отличная инвестиция. Они отыграют любые потери. После того как они пройдут через этот провал — если это действительно провал, — у них будет десять лет, чтобы наверстать упущенное. Вот тогда-то он их и сбросит!

«Бери много, оставляй мало», — таков был его девиз.

Телефоны стали звонить чаще. Все больше компаний, в которые он вложился, объявляли себя банкротами и прекращали работу. Производства останавливались. Железная руда шла на бирже по цене шлака. Рудники обесценивались.

Но Эдгарсон не бил тревогу. У него еще были фермы, недвижимость, страховые компании, судоходные пути, гособлигации…

Следующий звонок принес известие о его самой крупной ферме: она сгорела дотла. Погибли зерновые, и вообще все…

— Хорошо, — сказал Эдгарсон. — Получайте страховку.

Следующий звонок сообщил, что головная страховая компания обанкротилась вслед за гарантами размещения.

Эдгарсон начал беспокоиться. Да, его корабль

получил несколько серьезных пробоин, однако потеряно еще далеко не все…

Кошмар продолжался. Телефоны трезвонили день и ночь. Банки закрывались один за другим. Флагманские предприятия Эдгарсона теряли капитал и прекращали работу, как, впрочем, и остальные его компании. Фермы сгорали дотла, наводнения размывали дороги, трубопроводы взрывались. Люди терпели убытки и подавали на Эдгарсона в суд. Налетели ураганы, за ними последовали землетрясения. Прорвало все плотины, построенные за последние сто лет. Рушились здания.

«Стечение обстоятельств», — говорил себе Эдгарсон, смертельной хваткой удерживая боевой дух на высоте.

Правительство объявило о временном переходе на внешнее управление — если найдутся желающие, конечно. На этой новости Эдгарсон потерял несколько миллиардов, по сравнению с чем его прежние потери можно было считать слабым преуспеванием.

Прошел месяц, и Эдгарсон потерял большинство своих активов. Шатаясь в прострации по дому, он забрел в библиотеку Фаулза. Хетта, свернувшись клубочком, сидела в углу — видимо,

снова пребывала в депрессии. Фаулз стоял в центре комнаты, скрестив руки на груди, и смотрел на Эдгарсона с глубоким удовлетворением.

— Что происходит? — хрипло спросил Эдгарсон.

— В период между циклами, — объявил Фаулз, — все вероятности меняют значение на противоположное.

— Что?

— Ты не знал? — удивился Фаулз. — А я думал, ты крупный финансист.

— Объясни.

— Как, по-твоему, статистики получают свои цифры? Если бы прогнозы с высоким значением вероятности исполнялись всегда, они были бы стопроцентными. Все события, вероятность которых ниже пятидесяти процентов, то есть те, которые не произошли в течение цикла, случаются как раз в промежутке между циклами.

— Не может быть, — выдохнул Эдгарсон.

— Смотри. Допустим, тебе нужно уравнять некие шансы — в соответствии с законом природы. Что-то на девяносто процентов истинно. На протяжении десяти лет эти девяносто процентов работают как сто. Чтобы девяностапроцентный прогноз не нарушал закона природы, в течение

следующих десяти лет это что-то должно быть на десять процентов ложно. Или стопроцентно ложно на протяжении одного года. Понимаешь? Если все десять лет цикла предприятие было на девяносто процентов успешным, то в год между циклами оно станет стопроцентно неблагополучным. И никак иначе.

— Повтори еще раз, — с трудом выдавил Эдгарсон.

— Думаю, ты все понял, — сказал Фаулз. — Вот почему все мы покупаем акции с низкой вероятностью роста в течение цикла. В промежуточный год они показывают отличный результат.

— О боже, — сказал Эдгарсон и упал в кресло.

— Ты же не думал, что твои акции будут расти вечно? — спросил Фаулз.

Эдгарсон именно так и думал! Вернее, принял как должное.

Разумом он понимал, что Фаулз прав. На других планетах шансы уравниваются постоянно. Но не на Порифе. Здесь все идет или в одну сторону, или в другую. Десять лет все идет к максимуму. А потом всего за год откатывается на прежний минимум. Ну да, все уравнивается. Но каким диким способом!

Фаулз вышел, но Эдгарсон даже не заметил

этого. Где-то настойчиво звонил телефон.

— Да? — Эдгарсон взял параллельную трубку, некоторое время слушал, потом бросил. Его долг достиг нескольких миллиардов, сообщили ему, главным образом из-за маржинальных покупок. А на Порифе безответственных банкротов сажают в тюрьму.

— Что ж, — сказал Эдгарсон. — Наверное, я должен…

— Не двигайся, черт бы тебя побрал, — злобно проговорила Хетта, поднимаясь на ноги. Обеими руками она сжимала револьвер — древний, основанный на химической реакции. В цивилизованных мирах такие не используют уже много веков, однако его убойная сила от этого не стала меньше.

— О, как же я тебя ненавижу! — заявила Хетта со свойственной ей экзальтацией. — Я ненавижу всех, но ты самый худший. Не двигайся!

Эдгарсон прикинул вероятность благополучно выпрыгнуть в окно. К несчастью, под рукой не было книги, чтобы посмотреть точную цифру.

— Я выстрелю тебе в живот, — прошипела Хетта с улыбкой, от которой он похолодел. — Хочу наблюдать, как ты будешь умирать — медленно, мучительно…

Вот оно! Семипроцентная нестабильность Хетты вышла на первый план — точно так же, как и незначительные шансы ураганов, наводнений и землетрясений. Его жена превратилась в убийцу!

«Неудивительно, — подумал Эдгарсон, — что она так легко согласилась выйти замуж: вряд ли кто из местных решился бы на такой брак».

— Хватит дергаться, — сказала Хетта, прицеливаясь.

Эдгарсон вышиб окно и едва не оглох от выстрела. Он даже не остановился, чтобы посмотреть, не ранен ли он, и со всех ног припустил в космопорт. Он надеялся, что у побега есть хоть какая-то вероятность успеха.

— Ну что, космический заяц, — с ухмылкой произнес младший офицер. — Выметайся!

Он подтолкнул Эдгарсона вниз по трапу.

— Где я? — спросил Эдгарсон.

На Порифе он успел вбежать на борт корабля прежде, чем его схватила разгневанная толпа. Капитан согласился взять его до первой остановки, но не дальше.

— А какая разница? — спросил офицер.

— Если б вы подбросили меня до какого-нибудь цивилизованного места…

Люк с лязгом захлопнулся.

«Вот и все, — сказал себе Эдгарсон. — Конец пути, глухая стена. Еще одна провинциальная планета, с которой ни за что не выбраться. Уж лучше сразу покончить с собой».

— Привет, — раздался голос.

Эдгарсон поднял глаза. Прямо перед ним стоял зеленокожий туземец. На всех трех его руках были браслеты, которые выглядели как платиновые. Каждый браслет был инкрустирован крупными камнями. Камни блестели и переливались, словно бриллианты.

Зеленокожий катил тачку с землей. Тачка на вид была из чистого золота.

— Как дела, приятель? — Эдгарсон широко улыбнулся и шагнул навстречу туземцу.